

Алексей Андреевич Арзамазов – известный поэт, переводчик, филолог (доктор филологических наук, профессор), член Союза писателей Удмуртии, член Союза писателей России, лауреат литературной премии родственных народов (Эстония), лауреат литературной премии правительства Удмуртской Республики, заведующий Лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии ФИЦ «Казанский научный центр» РАН. Автор 25 книг (монографий, учебников, сборников стихотворений). Научные работы и художественные произведения Алексея Арзамазова переведены на английский, французский, венгерский, эстонский, иврит, арабский, турецкий, китайский, японский и другие языки.

УДК 821.511.131-1
ББК 84(2=664.1)6-5
А80

Арзамазов, Алексей Андреевич.
А80 ИДУ : стихи-«подстрочники» с удмуртского / Алексей Арзамазов. – Ижевск : Шелест, 2022. – 90 с.

ISBN 978-5-907285-64-4

В новую книгу известного удмуртского поэта и филолога Алексея Андреевича Арзамазова вошли поэтические тексты («подстрочники» с удмуртского), написанные в 2010–2020-е годы. А.А. Арзамазов своими стихотворениями существенно обновляет традиции национальной литературы, расширяет образно-символическую и тематическую сферы удмуртской поэзии, стремится вписать удмуртское в общемировое. Многие представленные в поэтическом сборнике «Иду» тексты экзистенциально, эмоционально связаны с авторским пребыванием в разных странах мира, далеких регионах России. Это тексты–опыты переживания «своего» и «чужого», стихи, обусловленные индивидуально-авторским ощущением других языков, культур, сложных личностно-внутренних состояний и переходов.

ISBN 978-5-907285-64-4

© Арзамазов А.А., 2021

МОИ УДМУРТЫ

ВЕЗДЕ ЖИВУТ УДМУРТЫ

порой мне кажется
что на этом свете
повсюду живут удмурты
я их видел везде
где успел побывать мне думалось
что такого не может быть
что это морок мираж марево
прихоть моего удмуртского воображения
но нет это были удмурты
я помню как они
робко выглядывали из-за углов панельных хрущёвок
в Костроме
как их взгляды
вонзались мне в спину
я бросался к ним хотел обнять
кричал та мон удмурт выны*
и только эхо незнакомых слов
влетало в открытые окна лета
пролетало над согнутыми антеннами и
остановками
я разглядел удмуртов во Львове
в парке Високий замок и на площади Ринок
они предлагали веточки вербы
скромные суровые лица
смотрящие сквозь меня
их мысли были далеко
выше львовских костелов
я точно знаю
удмурты были среди
поющих на празднике Лиго в Межапарке
под Ригой
там было столько удмуртов!
в красивых венках из руты
плакали смеялись веснушки
и дрожали

* это я ваш удмуртский брат (удм.)

рыжие локоны
я не верил своим глазам
почему удмурты так красиво и горько
поют на непонятном неродном языке
зачем отворачиваются
от моих улыбок
русско-удмуртского суржика
я встретил удмуртов
на центральной площади Мехико
они почувствовали что я свой
хитро улыбались трогали меня
курили трубку обдавая сладковатым дымком
хлопали по плечу
вовлекали меня в хоровод-пӧртмаськон*
только они забыли свой язык
стерлись диски памяти
и горячее солнце
сделало их совсем другими
но когда я иду по ижевским улицам
пережившим очередное наводнение
новый снежный плен
уповая на милость Инмара**
пытаюсь встретить их
моих удмуртов
хочу протянуть им руку
перекинуться парой фраз
узнать тебя среди них
но предо мной вымерший город
промерзшие переулки
чужие закрытые лица
и сам я себе чужой
мои удмурты кажется здесь больше не живут

* ряженье (удм.)
** верховный бог удмуртов

ДРЕВНИЕ РЕКИ

в тебе и во мне
в каждом из нас
удмуртов
текут древние реки
Вала Кельмезь Нылга
Люга Улёк Лудзя и Ува
тихие закрытые от солнца
сосновым покрывалом
в них тонет столько людей
порой умелые пловцы
идут ко дну распахивая глаза
реки забытых воршудов
реки лесов и лугов
реки скошенных италмасов*
заросших полей
высокие облака
прячет вода
мы живем и
течение рек
несет нас
назад вперед
между вчера и завтра
наши пути
кто из нас помнит
имя своей реки?

* Купальница европейская, один из важных символов удмуртской поэзии (удм.)

ОБЛАКА В ИЮНЕ

облака в июне
огромными снежными островами
плывут в морях низкого удмуртского неба
вальяжно постепенно поворачиваются
с севера на юг
обнажая свои ватные спины-паруса
они плывут над полями лугами
смотрят на наши герберы
до них долетают отзвуки
наших песен плясок сплетен обид
завистливые прищуры
блеск натянутых скул
недобрый взгляд пунцовые пятна на руках
всё им известно всё как на ладони
облака в июне
прощаются с удмуртами
совсем скоро небо станет безоблачным и чужим
солнце будет выжигать поля
народ лесной забывает запах деревьев
и лето больше не пахнет мхом
восток один восток налево и направо
приходит степь
уходит лес
и исчезают облака

УДМУРТСКОЕ

нас рыжих удмуртов
людей без кожи
хищно любит солнце
краснеют плечи
обгорают кисти рук
обжигаются поля спин
обугливается шея
сыплется пепел с волос
яд солнца спускается
по ветвям нашего тела
находит все новые места глухие
непознавшие ласки зноя жары
глубоко проникает в хвою
еще немного и мы вспыхнем
сотни тысяч сухих дерев
пожары в парме
мы удмурты
люди без кожи
и каждое слово для нас
как стрелы дикого племени
пропитанные кровью листолаза
мы дети леса слух чуткий
мы слышим даже далекий шепот
мы слышим намеки чужих
дыхание врага
мы удмурты XXI века
мы всё еще живы
несмотря ни на что
живем повторяя про себя свою мантру
из но му но пилиське но
адямилы чидано[*]

* И камень и земля рассыпаются, а человеку – терпеть
(из удмуртской народной песни)

В НОЧЬ НА КИСЬТОН[*]

в старых общежитиях
меняли лифты
целую ночь гудел ветер
дул в шахтовых дырах
не закрыты двери на каждом этаже
заходи кто хочет
но в эту ночь не вверх
а вниз
я видел что больницы
в окрестностях возводят
без отдыха без остановки
огромные корпуса
для вновь прибывших
и метро вывели из-под земли
наружу
вытянутые вагоны
как бродячие таксы
снуют по улицам
на перекрестке
Коля Петров
улыбается мне
машет через проезжую часть
нет ты же еще не с нами
остановись
остановись…

* День поминовения предков (удм.)

ПУТИ

НА БЕРЕГУ БАЙКАЛА…

посмотри
там очень далеко далеко
кто-то отправляется в путь
кто-то не спеша спешит
к нам гостям Байкала
это не духи ли сопок
это не духи ли прибрежной тайги
услышали наши голоса
невнятное мычание чужих
пришли ли мы с миром
уважаем ли мы эти древние земли
белые полосы неба
всё ближе к воде
невидимые великаны
обступили нас…
ты еще не знаешь
под той сосной
сидит бурятский шаман
он для тебя из игл
мастерит красноватые чётки
будь осторожен здесь
найди те слова
веди себя как гость
почитай Байкал…
если долго смотреть
увидишь как над сопками
возвышается белый дракон
расправляет крылья
вытягивает шеи
показывает нам себя
хозяин Байкала…
стоит тебе войти
в эту священную воду
ты поймешь
здесь тысячи дорог
ноги немеют
не зная куда идти
и тогда
вода поведет тебя сама
она помнит каждого из нас
примет нас
память её глубока-глубока…

ЭСКИМОССКОЕ

Вышли на берег
Стоим и смотрим теперь
как киты
прощаются с нами
последними эскимосами
этой земли
они грустят по нам
в их глазах-экранах
черно-белого кино
изредка промелькнут
толпы и орды
наших предков
а когда-то когда-то
по хитрым острым улыбкам
распознавали опасное
приближение человека
сквозь одиночество воды
проступал дым трубок
и уходили
забирая с собой пол-океана
на дно
а теперь
мы стоим смотрим
чувствуя
как тоскуют киты
по жизни другой
и знают
что даже они еще есть
а мы…нас
уже нет нас
мы забыли свое
кровное
игамсикаюкамси

СТРАННЫЙ ОПЫТ

однажды мне надоели зимние крыши
простуженные чужие голоса
я променял бесконечные ночи севера
на мгновенные ночи юга
пересек океан и приземлился
в богемном районе Рио
мне было чем порадовать и напугать себя
каждый вечер я рисковал
пробираясь к границам фавел
задыхался зноем
позволял диким осам
слетавшимся на северного чужака
вонзать в меня свое ядовитое любопытство
однажды – пытаясь забыть тебя
я выпил айяваску – отвар из лианы каапи
мои кости ломали волны
сжигали кожу золотистые лягушки
змейки зеленые пили кровь
щедро делясь нектаром своим
дожди размывали почву под телом
оно всё глубже в объятиях глины
черви обвивались поясом
желая вкусить нездешний плод
я пошел на это ради тебя
чтобы забыть
и не возвращаться
чтобы научиться уметь
по-другому любить…

***

каждое утро я просыпаюсь в этом
замерзшем городе где улицы простужены
сопливые канавы поросли пропитанной техническим
маслом
коркой льда
я выхожу из дома
преодолевая сонливость
с прищуром северянина
озираюсь почти ничего не вижу
стертые граффити дней
и тени возлюбленных порой промелькнут
на стенах сталинских арок
на занавешенных зеркалах незнакомых людей

но стоит только мне обжечься чувством
взять тебя за руку
провести с тобой ночь
как я оказываюсь в барриос Каракаса
теряюсь в ржаво-красных лабиринтах лачуг
и каждый угол как приговор к расстрелу
или шальная пуля
или стальной оскал маландрос
за каждым поворотом
хищные руки судьбы
посмотри мне в глаза
давай собирайся
пойдем в эту летнюю ночь
в гущу пальмовых потерь
прикоснемся губами
к голоду города
смотри
пустые отели
разбитые полки
сорваны двери
и теперь
ты моя Моника Спир

автоматные ливни бьются в стекло сновидений
я встаю с постели
низкое небо оглушающий Лепс
выль нунал*
новый день….

* Новый день (удм.)

ИСХОД

ты всегда хотела уехать отсюда
в какой-нибудь южный город
нероссийский лучше у моря
ты хотела уехать туда
за границы океана чтобы никто тебя не нашел
и только russia today или cnn
пойманные полуслучайно
напомнят о ввп девальвации новых подвигах
заснеженных просторах родины
далекой почти забытой
ты уехала туда откуда не возвращаются
не вернешься и ты даже если захочешь
наглый мулат намертво вцепился зубами
каждую ночь тебе так плохо и хорошо
змейки мусора расползаются на запад и на юг
о севере многие даже не слышали
голова пуста и ноет ноет тело
тяжесть в ногах
потому что кровь разбавлена ромом
в легких кокосовый порошок
а в кофе яд тростника
однажды я приеду к тебе
не потеряюсь среди тысяч
паломников (пленников) аэропорта
неузнанный невстреченный
я возьму такси и не зная адреса
помчусь к тебе наугад
в зовущие опасные сумерки Боготы…

МНЕ СНИТСЯ ЭРЭЦ-ИСРАЭЛЬ

мне снится Эрэц Исраэль
и ничего не поделать с этим
в оконных линзах немытые пятиэтажки
вспыхивающие люстры нетерпеливых прикосновений
разлагающиеся балконы
коррозия металла детских площадок
впадающие в детство тополя
бомжи обитают в подвалах
и по ночам поджигают остатки лета
мне снится Иерусалим
розовостенный с вокзальными часами
сегодня сольный концерт матара
на крыше Кнессета
я иду на работу
надевая улыбку сержанта ЦАХАЛ
стоящего на остановке
скоро северный Тель-Авив
трамваи ночного моря
и мы покатаемся слышишь?
я всё иду но где же Эрэц Исраэль?
квартал за кварталом и всё одно и то же
сейчас начнутся поля откроются перелески
дорога на Воткинск в Пургу и Можгу
а в огромных витринах Азриэли
отражается наша печаль
среди двенадцати миллионов еврейских глаз
и наши глаза посмотри
дотронься до меня – ты обожжешься
что-то тянет меня к тебе
неужели это зов крови?
и почему когда я по тебе тоскую
боюсь тебя потерять
когда ты делаешь мне больно
я перехожу с удмуртского на язык пророков:
הוהי וניהלא הוהי ,לארשי עמש
דחא
Шма Исраэль, Адонай ЭлоэйнуАдонай эхад!
Барух шем квод малхуто лэ-олам ва-эд!

***

вечер время пройтись и посмотреть
на огни что зажигаются над Пао джи Асукар
посмотри на эти уходящие облака
за ними прячутся рассматривая нас белокожих
скуластые лица индейцев где они теперь ушли
на север
поднялись в Анды спустились в подводное царство
Амазонии
собирают утонувшие пакеты муки высшего качества
только запах и цвет не те
пиранья мука вместо тепла бодрящего
Рио-де-Жанейро город в котором нам не жить
зачем нам это?
грязные добрые лица беззубой радости чужих людей
продающих дождь
обещания маньяны шипящий почти удмуртский язык
худые черные лица разносчики капириньи
ночь скоро густая ночь
сойдет на пляжи с фавел
мы никому не расскажем
отчего так часто
пропадают люди
открывая двери случайного убера
в районе Ипанема
никому уже не найти этих людей
этих людей и нас

ВЕЧЕР В КАРАКАСЕ

вечер в Каракасе ветер
дети играют в грызунов
теперь ты
будешь главной крысой
соберешь нас в подвале
поведешь вперед
проскользнем сквозь решетки
двери и щели
разобьем все стёкла
пустых помещений
никто не поймает
крыс этого города
дети играя
забыли
что не ели
три дня…
в центральном парке
черные белки
боятся слезать с деревьев
боятся шагов и рук
сверкают злым мерцаньем
под листвою
и кроны всё темнее
и тяжелей…
сдувшийся Уго Чавес
смотрит на нас
с остывающих стен
Венесуэла встанет с колен
Венесуэла встанет с колен
хрипит его голова
зачеркнуты глаза…
полковник полиции
Хорхе Игнасио
уже не встанет
четыре пули
и теперь
из кабинета заберут

кресло стол
стопки бумаг
колумбийские карандаши
сигары бутылку рома
заберут не пишущий паркер
прощаясь с улыбкой скажут
Adios amigo
Comandante de Chacao…
исход из Каракаса
улетают самолеты
взлетные полосы
потертых фордов
на дорогах страны
один усатый мудак
ждет в туалете сигнала
три раза постучат
и он
задевая писсуары
понесется
задыхаясь
в транзитную зону
теперь
его ожидают снега…

КОЛУМБИЙСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

ты – изрядно охмелевший – сидишь и смотришь
взгляды метисок тебе обещают ночную усладу
они чувствуют твою жажду тела там за стеной
собирая дивное зелье напиток старых индейцев
и пока ты дуешь в пивную пену выбирая одну из них
всё уже почти готово раствор получился что надо
вот она к тебе приближается
та которую выбрал чтобы уйти
полустоны глаза закрыты рукам тяжело
улыбка каменеет растягивая кожу
ты уже стал совсем узкоглазым и красным
упрямым упрямым
как дети этих гор
нелегкая работа
прохлада тонких игл скольженье нити
и она уводит тебя
через черный ход касается век спи усни
мягкие травы река твоей жизни
утекает в чужие долины
не проснуться уже тебе
наутро попугаи – посланники Боготы –
пролетят над тобой
не узнав
здесь было много таких…

ПАМЯТИ ПАЗОЛИНИ

самолеты взлетая
отводят взгляды
лайнеры спешат уходят всё дальше
им не выйти на этот берег
рыбы ушли уплыли
к золотистым своим пиратским сундукам
рыбаки приходят ни с чем
пустые барки скрипят от соли
гул улиц Рима приносят птицы
гладиаторов предсмертным кашлем
встречает прибой
иголки пиний осыпают пороги
осьминоги ночи
впиваются
выбрасывая пузырьки чернил
и вместо крови дымятся
черные реки
он не я
приехавший в ржавом вагоне
перуанские флейты лёгких
жадно не забирают
озон ноября
пощёчины поцелуев
туда-сюда
когти прошлого прошлись по рукам
шрамы Луны теперь проступили
был танец любви
по-южному быстрый и грубый
застывший песок
шуршит сухая вода
а потом – спустя тридцать лет –
где-то в районе Кондотти
мы встречались улыбками
я и он
пленник Остии
в промокшем пальто…

ГРЕЧЕСКИЙ ДИПТИХ

На смерть Пантелиса Пантелидиса

ты не выйдешь уже на подмостки
города шумного белого
за тобой однажды утром пришли
спустились с Олимпа
взяли под руки тебя тяжелого
напевающего что-то народное
на проспекте Вулиагменис
закрыли глаза
и кто мог – а таких почти не осталось –
слышал этот восточный напев
прощания…
теперь
ты смотришь
как приносят ветви оливы и
кладут к твоей новой постели в Метаморфоси
протирают раскаленные камни слезами
сажают цветы вокруг
в знойный полдень
приходят прочитать твое имя
кто-то другой из далекого края
где снег
ищет тебя и не может найти
греческий алфавит превращается в катакану
зачем же ты так?
О дети Эллады
погибающие во имя любви
нам только и остается
вспоминать о вас
отыскивая ваши корни
в наших словах и именах…

Читая Папамаркоса

дорогая
стоит нам обернуться
и мы увидим горящую Смирну

но
разгребать не нам те руины
ископаемые ужаса
говорю я тебе и себе
не нам дышать той гарью
на обожжённых крыльях легких
не нам взлетать в небеса чужеземные…
нам же наслаждаться друг другом
медом содроганий телесных…
не для нас остывают в песке
голоса оставшихся
не для нас созрел инжир турецких садов
но
упиваясь счастьем
легкостью южной
к которой так стремились
не споткнемся ли мы –
греки северных берегов –
на новых тюркских полях
среди усталых цветов?

ЮЖНАЯ АФРИКА

в Йоханнесбурге
низкое небо высокие дома
усталый беспомощный взгляд красавиц улиц
каждый мусорный бак фонарный столб
отрезанный провод распятая сигарета
кричат ты наш враг
не выходи
окно не открывай
не подходи
не поднимай ресниц
в Йоханнесбурге
не бывает лета
слепые жирафы осени
жуют листья коки
давятся целлофаном
обнюхивают тротуары
в поисках сгнившей снеди
бродят в подворотнях
ищут макдональдсы
голландские рестораны
вываливаются на пустые проспекты
кивают нам слабакам
вот она – ваша Африка
и черные лица
отдают желтоватым блеском других планет
уже не прячутся в маски и капюшоны
они идут навстречу тебе и мне
тюрьмы больницы старые отели
потерянные идиомы европейцев
зачем это им
колонны отрываются от стен
израненными лбами кидаются им в ноги
вот они хозяева новой жизни
заборы вокзалы исписаны грязью на африкаанс
не вернуться назад
не выходи
не выходить

ну и что
мы уедем с тобой в Кейптаун
говорят там вечное лето
пингвины нас защитят
и ангел добрых надежд
всё еще охраняет город
а здесь здесь пальмы дождя
раскрывают листья объятья
иглы небесной воды простреливают кожу
геракловы муки
руки кипят мои – посмотри
сколько благодарных зрителей
смеются машут руками
обнимают друг друга
слюни текут
осень в Йоханнесбурге
не могут прогрызть асфальт
справедливости черви
нам надо валить отсюда
внутри меня
остывающий дым…

ВСПОМИНАЯ ЯКУТИЮ

я помню звезды далекого севера
путеводные знаки снегов
снегов огромных говорящих с небом
зеркала если в них смотреть
столкнешься с другим – своим – лицом
древность холода не отпустит тебя
тухнут угольки привезенного тепла
леса вокруг чуть выше тебя
нет здесь ни кедров ни сосен
нет высокого купола леса
высокой тайги
ты выходишь на улицу
и каждый взгляд – это сэргэ
прикосновение Белого Шамана
поднимешься ли ты теперь
до плеча великой Лены
увидишь ли те берега
бивни гор на горизонте
воздушные пути к Океану
нет ничего не увидишь
ничего не поймешь
забываются сны
уходят они далеко…

***

Здесь ночные дожди омывают сновидения,
А пробуждение – со вкусом винограда.
Если ты рядом со мной – постель кажется
бездонным морем,
Но всё же сердце мое одолевает усталость.

Листья быстро желтеют и мнутся,
Как знаки стиха на старой бумаге.
Собака за забором ищет врагов.
Кого ты звала? Тебя звала на остывающем песке.

Четыре ночи, пять дней. Дорога коротка-коротка.
Мои волосы обжигают ножницы ожидания.
Вода в Балатоне – зеленая соль,
И я не знаю, мне плыть куда?

Раскинуто одеяло, замолкло поле.
Мы друг для друга – глухонемые нули.
В сиреневом небе улыбается солнце.
И на пальце моем три царапины...

УЕХАТЬ В АФРИКУ

уехать в Африку
чтобы забыть обо всех
пить нектары неизвестных плодов
впустить в себя опасную сладость
нырять в леса входить в черные воды
Нила Конго Оранжевой
ночевать на грязевых отмелях озера Чад
осваивать новые звуки слова
учить хауса йоруба и быть может суахили
говорить по-английски с африканским акцентом
еще не знать
что и здесь произрастают
баобабы боли
не чувствовать что за тобой следят
тысячи глаз
не различать в темноте уютное мерцание клыков
пытаться не перебирать
удмуртские четки обид
читать тексты Амоса Тутуолы
умываться песком Сахары
гостить в шатрах берберов
слушать отзвуки самбы Кабо Верде
познать зулусскую хитрость
отбиваться от прикосновений в назойливом Найроби
быть обворованным на базарах Лагоса

уехать в Африку
чтобы в который раз остаться
наедине
со снегами буранами
льдом рек
своей прежней жизни…

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЕ ИНФИНИТИВЫ

заблудиться в Нальчике
но
найти себя другим
влюбленным
странствующим по кабардинской низине
идущим навстречу балкарским снегам на хребтах
заблудившись
отдыхать среди акаций
в тени каштановой обнимать тебя
но
не нарушать границ
с Чечней твоей гордости
в абрикосовой тени Хасании
вновь в себе ощутить
родниковую чистоту желания
на губах твоих ловить
солоноватость жёрмэ
стать в любви внезапной
балкарским джигитом горячим и скромным
обещать тебе то что нельзя обещать
хитрая щедрость кабардинского слова
заблудиться в Нальчике с тобой
заблудиться в тебе весенней
в свете темном твоих южных снов
войти в парк приветливый веселый
учиться быть собой с тобой
любоваться издали
твоим приближением ко мне
под дождем
на проспекте Али Шогенцукова

НА ВОЛГЕ

Чтобы стать здесь своим
Почти своим
В воды великой Идели
Войди
Дальше зайди глубже
Вдохни
Прочитай если сможешь
Берез имена прозвища лип
Рассмотри сосновые берега
Узнай себя на коне
Найди молчания шатер
Радуйся месяцу над собой
Не порви булгарскую нить
На монисте зари
Слушай камни тепло их бери
Знай как тоскует родник
Дева юная идёт по волнам
Посмотри
Протяни руку с перстнем любви
Мёд признаний
Преподнеси
Чтобы стать здесь своим
Высоту новых слов
В себя собери
И
Реке поклонись...

***

Я вспомнил о тебе
В Шардже
Голос твой донес
Азан предрассветный
Кайальной* глубиной
Твоих глаз
Рассматривала
Чужая ночь меня
Ты сейчас вышла из дома
И в песках горящих
Тонуть начнешь
Заберет земля далекая
Вернет тебя мне
Мой слух соблазняют
Бенгали урду малаялам
Базара языки
О где же арабский
Наших любовных
Примирений?
Ты конечно вернешься скоро
Шейхи знают как это сделать
И даже Персидский залив
Вдруг
Скинет дишдаш**
Для тебя
Только приди
Отмени мой ад одиночества
Вернись ко мне **Eud***** عد

---

* Контурный мягкий косметический карандаш для подводки глаз (араб.)
** Традиционная мужская одежда у арабов (араб.)
*** вернись (араб.)

ТЕБЕ

КВАРТИРЫ БЫВШИХ ЛЮБИМЫХ

квартиры бывших любимых
возникают предо мной
стоит только закрыть глаза...
сначала туман синеватая пыль
потом все как было но
не войти мне в музеи уже чужих...
отчего же не отпускают меня
эти дома? окружают они
выдвигаются падают ящики письменных столов
открываются книги стелется простыня
из окон немытых на меня смотрит дождь...
виноват ли я что
плененный чужими домами
не смог отыскать свой дом..?

В СУББОТНИЙ ДЕНЬ

ты неизвестная мне женщина
возникла среди толпы
праздничной
субботнего дня
мерцая мигая сначала
далеким светом
где-то на горизонте
пронеслась
мгновение
и ты уже здесь
в двух шагах от меня
эти глаза
выдают тебя
говорят за твой народ
мудрые смотрящие сквозь века
эти губы любви других
миллионов других
людей
шагавших навстречу друг другу
да ты рядом со мной
еще не сказал ни слова тебе
ты знаешь и об этом
я опустил глаза
просто дотронься
жаркий песок твоих рук
открыты пальцы
вот вот протянешь мне
метку
надежды…

***

в месяц когда уходят грозы
ушла и ты
в листопады лесов
в облака заснувших лугов
ты любовь моя
идешь по тропам дальним
плутаешь где-то и не найдешь уже
дорогу что привела ко мне…

ОКНА

мне снятся часто
окна далекого прошлого
конец октября первый снег
мы смотрим сверху вниз
на осень на жизнь на любовь
я еще сверху вниз смотрю на тебя
еще свысока на тебя смотрю
на ту что однажды уйдёт
без спроса без слов
мой удмуртский ишан
в сумрачный час
бьются в далекие окна
снега
зима
еще не коснулась наших сердец
еще не встретила нас

мне снятся часто
твои окна
они зовут и ждут…
окна-зеркала
окна-сны
окна-голоса
окна-глаза разлук…

РАЗЛУКА

я много раз просыпался
рядом с тобой
не понимая что происходит
меня обдавал неясный жар
нет не темнота а черный квадрат Малевича
нашей спальни
загораживал ранее утро
я не мог – хотя так хотел –
рассмотреть тебя именно в это время
какие сигналы посылало твое тело
жар слепой радиации
проникал в меня всё глубже и глубже
накопительный эффект
сначала легкая одышка
небольшая слабость бледность
прогрессирующая анемия
а потом я ходил по ночным улицам
и светился озаряя
заснувшие парки
теперь уже всё равно
я теперь всего лишь
новый снег…

***

сильная влюбленность
почти всегда
похожа на Сан-Паулу
мегаполис приезжих
сбегают сюда
от серых будней
бегут из северных стран
мы с тобой тоже
вот-вот скроемся за
непредсказуемыми поворотами
бразильского города
раскаленные стекла
Америки
скрипящее жаром
железо мостов
сауны метро и подземных переходов
виадуки новой жизни
перейдем ли мы
эти авениды?
моя нежность
запаха легкой гнили
это цветы прошлого
увядают
перед тобой…
мы заглянем в парк
Ибирапуэра
быть может
проведем там ночь
постигая друг друга
как аборигены
на ладонях травы
тропики
нам подмигнут
влажными ресницами неба
давай же
смелее
Сан-Паулу любви
всё ближе
скажи себе

***

Зачем ты делаешь больно мне?
Быть может, делали часто больно тебе?
Чужих мужчин погасшие костры
звали тебя, ты верила в
их остывшее тепло...

В твоем обожжённом сердце добру нет места,
не выветривается гарь, не сохнут там болота.
Тебе нужна боль близких людей,
Тебе нужно чистые сердца пустыми сделать…

Ты делаешь мне больно, моя женщина-воин,
Поднимаешь топор, улыбка твоя ударит молнией,
Я сегодня осиротевшая осина,
С золотыми листьями ребенок,
Да, поднимай свое острие, вот моя душа, моя кровь,
Пей, ешь, бери…

Только не уходи, не уходи,
Причиняя боль, будешь со мной,
Еще будешь моей, нечестной-чистой, жадной гостьей,
Разломом жизни моей…

По прощальной дороге иди,
Но – снова приходи
Сделать мне больно…

СПОЛОХ

это был сполох
усиление ветра ночного
листья шевелились как мыши
в доме туно*
на краю деревни
сумеречные силуэты
одиноких людей сдувало
поля до небес
куда мы попали?
солнце нас обжигало
глину тел
превращая в кунганы
мы росли
и в наших сердцах росли
эвкалипты
это сполох любви…
так и живу –
от одной до другой
ослепляя друг друга
а потом закрывая глаза…

* Знающий (удм.)

ЖЕНЩИНА В ПЕСКАХ

ты моя женщина в песках
дорога к тебе была далека
опасна
я видел как
в песках твоих высыхают реки
тонут тела отважных других
соблазненных легкой красотой крупиц
обманутых ускользающим жаром
пустынного сахара
дорога к тебе была
далека
но я всё же вышел к ручью
умылся твоим чистым песком…
ты моя женщина-лиственница
растешь на одной из сопок
в объятиях прибайкальской тайги
я нашел тебя
как же тебя не найти?
ты моя женщина-вода
утекаешь
не поймать не удержать
помнишь обо всем
древние времена
будущие времена
познала ты
одиночество больших глубин
слышала мелодию поиска небесной росы
инву утчан гур
принимала высоту снегов
я не боюсь ничего
люблю тебя
ты моя женщина…

***

Середина лета. Невозможно дышать.
Навязчивая жара закрывает глаза,
Отнимается язык. И для меня теперь
Так страшна тишина...
Синее небо Прикамья
Уже в восемь накрывает черная слепота.
Я лежу. Ты ушла...
Середина лета. Мелеют реки.
Мосты становятся всё выше и печальней.
Время вернуться назад, к старым соснам
На берегу карьера,
Внезапно войти в воду священного озера,
Рухнуть в карстовый провал,
Чтобы забыть, забыться...

ЧТО ДЕЛАТЬ?

и что делать мне теперь
в этот майский вечер
после всего
искать дворы потемнее
новые города
прятаться за
обвалившиеся стены прошлого?
бежать но куда
не спрятаться не закрыться
но закрыть руками голову
завязать глаза лентой чужой спадающей
отвернуться ото всех
и прежде всего
от тебя

ОДИНОЧЕСТВО / ЛЮБОВЬ

одиночество –
как погружение большого тела
в теплые воды
неповоротливая приятность
журчание ванны
лень неторопливость суставов
ни назад ни вперед
умиротворенное мычание
забывших о поцелуях губ
уточки рук
не знающие глубины
музыка с улицы
тоже одиночество
а **любовь** – долгожданный обморок
нечаянный удар о чугун
апокалипсис труб
обжигающий кипяток
укрощение непослушных вен
скаты тока парализующего
выталкивающая вода
любовь –
непрерывное прощание с собой…

ПРИЗРАК ТВОЕГО ПРОШЛОГО

он явился
в последнюю ночь лета
призрак прошлого твоего
усталый и злой
интриги на кафедре
неблагородная седина
и жизненный опыт
вытянул скулы его
заточил усы
лезвием они разрезали время
и в дыры прошлого
мне заглядывать теперь
и видеть другую тебя…
застегнув пиджаком
подступающую немощь тела
пытался меня задушить
прижимал меня к простыням
осквернял своим дыханием мой покой
ломал руки мои
ребра лопались
от напряжения и безысходности
любовь моя
Алеппо надежд
прячутся за русскими руинами
наши счастливые дни
в армянских кварталах снов
звучит его гагаузская речь
и я всё понимаю
каждый выдох и вздох…
призрак прошлого твоего
смеясь
возвышается надо мной
всё ярче блестит
перстень обмана
обручальные кольца чужих ласк
звали тебя и ты соглашалась
ты научилась лгать себе
научилась лгать мне…
ну и что мне с того теперь
полуживому
смириться с непроходящей
ломотой тела?
бангладешской швеей
штопать раны свои?
что мне делать
если призрак прошлого твоего
каждую ночь
забывая обо всём
ждет меня
твоими глазами…?

РОСКОШЬ БОЛИ

боль – утопающая в июньских липах
улица детства
остывающий к ночи воздух
так горело внутри
поднимался к небу дым
уходила земля из-под ног
пятился к северу город
боль – просто тишина
омертвление языка
лопающиеся злаки в поспевающих полях
разрывающиеся плоды
отмеченные ударом молнии дерева
иссохшие вересковые пустоши но не Шотландии
подожженные степные травы но не Мангышлака
боль – расписанная персидским устозом
пиала
узкое горло прошлого
разведенные временем берега
судьбы одной жизни
никто кроме тебя
не знает
какая она – моя боль…

ПОЧТИ НАВСЕГДА

нежность твоя
лодочка плывущая
по речке спрятанной
в лесу
когда доплывет до меня?
когда ты придешь ко мне?
в закоулках жизни
сквозит
кто-то бродит и ждет
в продуваемых ветром
рощах навсегда забытого…
почему тебе так сложно
любить меня?
просто разведи огонь
согрей меня приюти
медленно течет вода
медленно поднимается дым
но мы знаем медленно –
это почти навсегда…
там мы
здесь ты и я

***

как мне рассказать тебе
что там было внутри меня
какой высоты белизна парусов
корабля
только что вырвавшегося из порта
крики стоны тысяч приговоренных к повешению
не успевших узнать о помиловании
черный август слепых не дождавшихся прозрения
молчания драгоценного сосуды
но и их однажды найдут
что там внутри меня
какие глубины любви откроются
тебе предстоит узнать
просто прикоснись ко мне
своим сердцем…

В РАЗЛУКЕ

Липы и тополя
Заглядывают в небеса.
Раннее солнце еще не устало
Светить и греть…
Просыпаюсь – рядом со мной никого.
Почему ты так далеко?
Я не могу не грустить…
На израненном дождем небе
Тысячи разных лиц.
Разных рас, разного роста
Кылдысины* смотрят вниз.
Вечер – остывший карниз –
Шуршит голосами из
Опрокинутых памятью лет.
Ночь вот-вот настанет.
Холодна чужая пастель.
Столько теней над ней.
Столько ночей тебя нет…
Остановлю часы и разведу мосты.
Реки я разверну, соснами поднимусь
Ввысь, за горизонт в будущее загляну,
Снова тебя найду, не отойду, обниму,
Нет-нет, не проси, даже не умоляй –
Больше не отпущу…

* Одно из верховных божеств в традиционных верованиях удмуртов, покровитель земледелия (удм.)

В ПОЕЗДЕ

Поезда, вагоны мелькают в моих снах.
Закрываю глаза, твои руки
Жадно ищут меня во мне.
Продолжай, продолжай.
Я сейчас, как поезд – не остановить.
Чужие поляны, чужие реки
Подглядывают и тут же гаснут.
Одиночество в каждом столбе вдоль путей.
Искрят под сумерками провода.
Выступает на ладонях, прилипает печали смола.
Березовыми рощами раскрывает объятия
Не моя земля.
Шумит, как поле боя, татарский лес.
Италмасы срезает ветер моей тоски по тебе.
Лето сжимается, пятится –
Вьюги в ждущем сердце моем.
Я вернусь. Растопишь ли ты
Льдинки на ресницах моих?
Подари же сначала
Строки ясные и простые.
Без устали дари мне себя.
Каждым твоим поцелуем смывается пустота…
Каждая наша ночь –
Высота любви…

МОЕ ЖЕЛАНИЕ

Я желаю Тебя
Июльским ливнем ночным
Срывающимися небесами
Стенами и трубами струй
Раскатами над поспевающей рожью
Ожиданием пшеничных полей
Рвущимся к теплым женским ладоням зерном
Городом охмелевшим от ранней весны
Стыдливо вросшими в нечистую почву тополями
Болью сбивающей с ног
Крыльями рафии порванной смерчем
Вьющимся и ноющим телом большим
своей мягкой печалью укрывая
желаю Тебя сейчас
и всегда…
желаю Тебя

ТЫ ГОВОРИШЬ…

когда нам уже не уйти друг от друга
в наступающей духоте июльской полночи
ты говоришь – я вижу море
поднимающееся к небесам
ты говоришь – я слышу
как шумит лес на Луне
как горы растут в твоем сердце
закрывая снегами глубокими
южные дали
когда ты так близко
что ближе быть не может
я вижу почерневшую караимскую степь
как стекают виноградные соки
багровыми подтеками по ногам и рукам усталым
опускается вечер
я вижу глаза печенега-варвара
поднимающего руки
лишь недавно познавшего сладость слова
блестящего золотом лжи
любовь любовь
леса далекие
степи пустые
где нам блуждать суждено?
под чужим солнцем
под чужой Луной
Всё время терять и искать друг друга…

***

Горела свеча семь дней.
Горело семь огней
В окне твоем...
И шторы закрывались,
И шторы рвались, падали.
А по спине
Скользили тени снизу вверх,
Дрожали руки,
Волосы взлетали,
И не хватало воздуха
Под утро.
Теперь же собираю камни я.
Их просит древняя земля.
Гортанным эхом доносится молитва.
И в мягкость кипарисной пряной южной хвои
Твой голос
Позовет меня…
И не узнает…

АВГУСТ В ЕЛАБУГЕ

пройдут годы
и ты вдруг вспомнишь
август в Елабуге
нарисуешь в памяти
высокое камское небо
шелком позднего лета
прикоснутся к твоим волосам
облака
и грушевым ветром в спину
проводит булгарский эмир
маленький мир двоих
время испуганной уткой плывет
только глубже вода любви
все длиннее дожди
и на вкус – соль и лед
вспомни август в Елабуге
придорожных сосен свет
предзакатных лугов тень
торопливых рук жар
поцелуев наших чак-чак
нежность засыпающих лип…
помни всегда меня
вспомни август в Елабуге…

НОЧЬ В ТВОЕМ ДОМЕ

Ночь в твоем доме
Теперь навсегда со мной
Где бы я ни был
Будут светить мне
Белые маяки спальни твоей
Будут пылать –
Только закрою глаза –
Нетерпенья, желания люстры
Японский сад открыл свои врата
И Фудзияма отодвигала ширму
Расписанную облаками
Нежностью яблонь
И иглами сосен пряных
Ночь в твоем доме
Зовет фамильным серебром звезд
Доносятся дыхание удмуртских полей
И сонный скрип железных дорог
Герои фотографий расплываются
но он четыре года
пытается улыбаться над кроватью твоей
принимающей зовущей уже меня
Беглость творения любви
И прошлое теперь –
Мерцание ищущих рук Джексона Поллока
Ночь в твоем доме кончилась
Наступило утро туманов
Скорой осени
Пачули пробуждения
Вот вот гранаты Ленкорани лопнут и
Снова станет темно
Я так хочу вернуться
В Твой дом…

ВОСТОЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ

когда тебя так долго рядом нет
луна не восходит не освещает небесные сады
и солнце не смеет выходить за ворота дворца
не желает греть сердца одиноких
когда тебя нет долго рядом со мной
ветер полночный выдирает с корнями секвойи
и земля плодородная обернется в сухие комья
весна не наступит
тюльпаны и маки – гордые дети –
не поднимут глаза…
когда тебя долго нет возле меня
живая вода умирает
берега расходятся
пред морями печали
и в тишине неземной
я глухой и слепой…

***

под вздохи зимы
снега оседают…
тебя не хватает так!
невидимые облака
твоей нежности
надо мной проплывают
замечая как
от нетерпенья дрожит рука…
нас снова приглашают поля
в белотихий полет
стебли-старики вдоль дорог стоят
ласково смотрят на нас…
в этот вечер не хочу знать ничего
но
научись сейчас же
понимать язык этих теплых полей
заботы моей
о тебе…

***

Уже всё сказано и
Все слова открыты
Признаний жемчуг
Блестит устало
От тысячи прикосновений
Изучены все ласки
Движенье рук известно
День изо дня одно и то же
Забавы ночи не начавшись
Надоедают
У многих так
Но не у нас
У нас –
Молитва счастья в каждом слове
Желание беречь
Стремление навстречу
Шаги не в сторону
А в темноту тепла
Прикосновение к дождю
В июльский зной
Свежо и нежно
Любовь у Нас –
Мерцание глубин
Умывшийся весной Каир
Лесной воды родник
Трава лугов
Объятья рек
Древний кувшин с вином
Небес рассветных высота
Для Нас
Сейчас… и навсегда!

***

Выпало мне разлуку пережить в сентябре
Восточные узоры хитрые на твоих рукавах
Рассматривать томиться рассказывать случайным
попутчикам
Какая она, любовь
Не знают ни чужие ни свои
Что сказать в ответ
Усталые сердца не находят слов
Забывшие о поцелуях губы
Разве могут что-то ответить?
Базары жизни мелькают-манят
Споткнешься вдруг – в карманах
Зира опасности ожиданий
И пусть еще не остыла великая Сырдарья
Не заметишь – вокруг тебя
Отчаяния Афганистан…

ПРОШЛОЕ ЛЕТО

ПАРКИ НАШИХ РАЗЛУК

парки наших разлук
разрастаются
сосны пихты осины
липы и даже грецкий орех
раскачиваются
в ожидании новых саженцев
мы тем временем идем с тобой
по новой улице
в новопостроенный дом
в мыслях высаживаем деревья
представляя детей и внуков
в майской зелени городской
а пока пыль стаи собак людей
асфальтовый горизонт…
парки наших разлук
так быстро растут
но не деревья любви

ОШИБКА ЛЮБОВНОГО СОГЛАСОВАНИЯ

Твои руки дождя за стеклом
Твои руки-дожди стучатся
Длинные пальцы уже чужие
Мстят они царапая окно мое

Быстро себя одеть
Вспомнить твои слова
Холодно так темно
Ты не знаешь что
Внутри моего сердца
Кипит муравейник разлук

Шевеление лет
Скрип секунд
Вытянутая тень вчера
Я теперь не выйти
Я теперь не знать
Я теперь все равно....

ШКАТУЛКА РАЗЛУКИ

ты мне передала сегодня
шкатулку разлуки
как мне ее удержать в руках?
тысячи пряных дерев
вместе луна и солнце
моря и горы
снега и сухая трава
поля до небес
золотые закаты
и предрассветная тишина ожидания
но как это всё удержать в руках?
Я не знаю…

ВИБРАЦИИ УСТАЛОСТИ

Молодое тело не знало усталости
От его жара отскакивали печаль и сомнения
Ну а нам - перешедшим свои рубежи -
Только и остаётся поддаваться вибрациям усталости
Нежданные гости приходят и не уходят
До всего им есть дело
Заглядывают куда угодно
Отыскивают потерянное забытое
Берут что хотят
Без спроса листают книги
Ножницами любопытства неровно стригут
Выцветшие фотографии
Выпивают что было и оставляют после
Высокие графины
Которые уже не наполнить
Ты сидишь за столом
Рисовая скатерть случайный изюм
И на донышке мед
Усталости...

***

закрывшись ото всех
вглядываюсь в монголоидные черты
мира что напротив меня
он старый китаец
решил пошутить
надо мной
непонятны мне
европейцу из приуралья
его чувство юмора
культура смеха
так и приходит
одиночество
смотрит оценивает
узкоглазой улыбкой
окна весеннего…

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Мой первый месяц в этом городе
Принес мне боль первой любви.
Робкие надежды и слова.
Твой смелый взгляд и наглое дыханье.
Лунные танцы вдоль заводских заборов…

Все однажды кончается –
Ты захлопнула двери за мной.
В закоулках моей памяти места много –
там тысячи окон.
И потом, знаешь, - Ты уже пропадаешь.
Но запах города…Он навсегда со мной…

***

в эти сентябрьские дни мая
когда нет сил вставать по утрам
и критически понижается температура тела
бледнеет кожа реки артерий почти застыли
кажется что я схожу с ума
никто ничто уже не удержит меня
от падения в один из полузакрытых люков
незаросшие раны асфальта
железные островки пустынь
забирающие всё тепло
мне сказали тебя спасет только Бог
и я его услышал
октябрьским поздним вечером
когда погасло мерцание города
Инмар заговорил со мной по-арабски
сурами из Корана
обволакивающая мелодия голоса
сквозь форточки сна
гортанный h и мягкий ль
удмуртские аффрикаты
вязью дождя он что-то пишет мне
на стеклах

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَٰنِ الرَّحِيمِ

БАБУШКА

ты приходишь ко мне
всегда после полуночи
выбираешь разные места
для встречи со мной
твоя первая квартира на четвертом этаже
где как будто никто не живет
паутинки плесени под потолком
жирафообразный графин
вытягивается присматриваясь ко мне
здесь всегда стоит полумрак
и на стенах как в царстве Аида
желто-коричневое мерцание
я один но ты смотришь на меня
улыбаешься чувствуя мое недоумение
больше не могу дышать
мне нужен свежий воздух
срываюсь по горбатым перилам подъездным вниз
в Сормовский парк
невидимые для нас твои травяные тропы
слегка наклоняются стебли и вздрагивают лепестки
слетаются бабочки пчелы
пахнет сосной и мятой
так легко потерять рассудок
ты приезжаешь ко мне в Ижевск
я веду тебя на наш пруд
он такой большой и глубокий
но ты идешь по воде
ты идешь по воде
ты знаешь где я живу
ругаешь меня за бетонную пустоту квартиры
спрашиваешь храню ли письма твои
и читаю ли их
один раз я попал туда где
тебе дали комнату
озаренные солнцем добрые улыбки коридоров
тысячи одинаковых капсул
ты стесняешься не пускаешь меня

в эту стерильную белизну
покрывал стен
вместо мебели шершавые ленты облаков
вместо воздуха ватный сахар
ты машешь мне рукой с другого берега
реки Юг уходящей в прошлое
мерянский гидроним обещающий вечное лето
высоковольтные мачты здесь
молятся древним богам
вызывают грозу
к тебе плывут стайки рыб
тебя касаются
обожжённые молнией птицы
а я остаюсь один
я остаюсь с собой
пролетают годы
и ты всё реже посещаешь меня
десять лет как вынесли стулья
свернули ковры раздали хрусталь и фарфор
поменяли окна
переселили соседей
перебили шумом города
твою тишину
и что мне делать?
шелк памяти не разорвать
боль как оголенный провод
притягивает к себе
выбегаю на улицу
накрапывает дождь и засыпает август
в который раз я не знаю куда я живу
и для кого…

ПАМЯТИ ДЕДА

ты знаешь теперь как попадают туда
идешь дорогами детства
почти забытыми лесными тропами
там где смотрит на тебя черника
вздрагивает мох всматриваясь в твой ход
шершни прижимаются к коре деревьев
улитки выкапываются выползают
чтобы тебя увидеть
гусеницы изгибаются спрыгивают ломают стебли
вытягиваются вот вот и выше травы
ладони подорожника истончаются прикасаясь к твоим ногам
послания родной природы
ты идешь ослепляемый светом лета
сквозь поляны дикой малины
спрятанные в осоке и камыше лужи-болота
но ты не попадешь уже
в норы гадюк потаенные гнезда выпи
чувствуешь еще немного и грянут
просветы поля большого и желтого
гостеприимного удмуртского поля
костры вдалеке объятия родины твоей
ушедшей от тебя когда-то
мерцание синего неба над Камой
выйдешь в пшеницу родной земли
выходят навстречу тебе
кто это?
не жрецы с хлебом и маслом
где же понятный язык узоров?
где пояс-кускерттон?
это же эллины,
смуглые дети южного моря
оливковая кожа глаза на выкате
громкие рослые спешащие обнять тебя
под оглушительный гром
раннего лета

НОЧЬ КРАСНОЙ ЛУНЫ

ночь красной луны
стала для нас последней
никто не пришел
вместо нас гул поездов
что не вернутся назад
на этот новый вокзал
в приюты новых платформ
мерцающим табло
простится с нами в спешке
лето
напрасно взволнованный голос
нас окликает
мы не узнаем своих имен
мы ничего не слышим
такси потерялось в ночи
погашены светофоры
сняты дорожные знаки
затерты давностью лет
названия улиц
не найти нам друг друга
ты хотела меня другим
ты хотела другое
ты хотела другого
медовые волосы
пиктограммы на твоих
бумажных плечах
я так и не узнал
о чем они молчат
твои руки испытаны желанием
но была ли в них нежность
пойми
теперь мне тяжело даже
встать
сорок дней эта пытка
не понимаю себя
тела дрожащая бездна
упрямая слабость

я отравленный светом
каждый день
живу ожиданием ночи
чтобы забыться
чтобы унять пустыню внутри себя
но зачем об этом
теперь и потом достаточно
доброго слова
фотографии
прикосновений во сне
улыбки при встрече
и иногда –
про себя –
а я тебя помню…

ЧЕРНЫЕ ДЫРЫ ЛЮБВИ

черные дыры любви
круги на воде
омуты только омуты
и далекие берега
мы плывем мы гребем
но не знаем куда
где спасительный блеск песка
так глубока вода
мелководье встреч
пристающая к телу галька поцелуев
покачивание улыбок
тошнотворная духота
первых ночей
в озеро разлук
не войти по колено нет
Марианские впадины
извилистых рек
заболоченные луга
лесные канавы
сосновые ручьи
стиксы последней любви
обещания клятвы
срываются с вершин
не долетают до мелеющих вод Рио Гранде
куда ей спешить
спешат мексиканцы
на север
вытесняя собой индейцев
испанский навахо
вполне пригоден
для тайнописи
личных потерь
английский язык стертых чувств
молчания и пустоты

мы живем теперь
в аквариумах напрасных обязательств

нас подкармливают разводят для развлечения
мы китайцы чьей-то прихоти
кто нас сосчитает
жуем и не хватает извилин
чтобы что-то понять
и простить других…

ЗАБРОШЕННЫЕ КВАРТИРЫ

и в эту беззубую ночь
выйду я на поиски
заброшенных квартир
опытный черный риелтор
со сгнившим яблоком обещаний
в карманах судьбы
вот улица Дзержинского
спальный отдаленный район
спиленные просто так липы и тополя
голое голое лето
так стыдно
не спрятать не скрыть и уже не узнать
в песочно-панельных домах
очень много заброшенных квартир
моя хватка мастера
я сразу чувствую их холодок
и потираю руки
тени и сквозняки в усопших колодцах
скелеты фонарей от скуки
заглядывают в глаза ночами
заброшенных квартир
у меня от каждой из них есть ключи
обычное дело
отпираю замок
три шага вперед
всё мне понятно – старые карусели снов
о бывших хозяевах
три пули навылет
совсем не герои
но
на обоях я вижу колонну красных людей
я собираю запахи
как этнограф в Танзании
выпрашивает на языке суахили
истории вымирающих масаев
хожу по белому свету
по улицам древнего Буммаша

с пакетами и рюкзаками
пропахшими французскими сырами
от дома к дому от двора к двери
удивительно что я еще не в розыске…

хорошо что ты не знаешь
еще немного
и я отыщу
заброшенную квартиру тебя
скину пиджак
посижу в темноте
перейду в твою кровать
лягу рядом
тебе вдруг станет
так душно и тошно
в бассейнах тела такая хлорированная вода
легких хватит на два вдоха
ничего не говори
я всё равно ничего не услышу
я глух и слаб
я подчинен
своим механическим передвижениям
и рабским поискам
отравленных ртутью прошлого
нежилых квартир

СОН О ДЕВЯНОСТЫХ

позднее лето
вспыхнуло электричкой
вспыхнуло зажигалкой
и не отпускает
далекий секундный огонёк
я закрываю глаза
и окунаюсь в ту ночь
пьяную влажную распускающую руки
ночь девяносто пятого года
меня никто не искал
я бродил по городу
доносились хрипы умирающих братков
там в трёх кварталах отсюда
где они собирались
впадали в детство злое
играли в ножички и машинки
рисовали свинцовыми красками
пейзажи и натюрморты
новых лет
чем дальше тем яснее и громче
проступали звуки и голоса
зажёванная плёнка
первых поцелуев
включишь и только
скрежет скрип
моя первая любовь
сколько раз я пытался
сорвать решетки на твоих окнах
разгибал их худые пальцы
один за одним
прорываясь к твоему ментоловому согласию
мне было так плохо
трещали стены
проваливался пол
крошился потолок
мокли и обрывались обои
застывали в воздухе

бумажными зигзагами
скульптуры Либермана
водосточные трубы рассыпались
уставшие от слёз
ещё мгновение и дом взлетит на воздух
в подвалах тротиловый сахар
в легких панельная пыль

вот мы идём
я беру тебя на руки
и сразу отпускаю
ну беги
это всё
мне хватит тебя на годы
я буду помнить
включая выключая свет
включая выключая телефон
включая выключая себя…

***

Уже остывает лето. Черви-облака
Цепляются за небесные ветки.
Гаснут огоньки лип,
Месяц гроз уходит...

Что скажешь? Не надо слов!
В морях вечера качается печальное лето.
Дрожат люди-листья.

Ищи других, бросай камни страсти
В чужую душу, в чужую грудь.
Ты уплывешь с теплым летом вслед за Луной.
Дождь оживит меня.
Время исцелит...

ВОПРЕКИ

Уже не знаю, что сказать...
Я продолжаю быть удмуртом
И смею сметь...

СМЕЮЩИЙ СМЕТЬ УДМУРТ

Когда говорят или пишут об удмуртах, обычно отмечают нашу скромность, застенчивость, нерешительность, робость, «постепенность» и все корреспондирующие с этим характеристики.

Алексей Арзамазов вошел в мир «удмуртских обыкновений» как резкое – «Нате!» Не заметить его было невозможно: одни (немногие) – восторженно приветствовали его, другие (многие) – испуганно протестовали, большинство – на всякий случай как бы не замечали или даже упорно-молчаливо игнорировали. А он меж тем рос и стал подлинным феноменом удмуртской, финно-угорской культуры.

Родился Алексей Андреевич Арзамазов в Нижнем Новгороде, куда судьба забросила его родителей. После окончания французской гимназии и татарского медресе неожиданно поступил на русско-венгерско-удмуртское отделение Финно-угорского института Удмуртского госуниверситета. Почти без «пересадки» успешно завершил аспирантуру и докторантуру. Сейчас он – один из самых молодых докторов филологических наук, профессоров, широко известный в мировом научном сообществе, член Союза писателей России.

Curriculum vitae (бег жизни) Алексея Арзамазова стремителен и необычайно плодотворен. За его плечами уже много больших и малых языков, десятки книг, сотни публикаций в престижных изданиях, лекции и доклады на пленарных заседаниях различных форумов Удмуртии, Татарстана, Москвы (МГУ, ИМЛИ. РУДН и др.), Тарту, Будапешта, Баку, Парижа, Абу-Даби, Рио-де-Жанейро и др.

Из его авторских проектов выделяются «Самоучитель узбекского языка» (4 московских издания), «Финно-угорское эсперанто» (в интернете к нему проявили интерес в 70 странах), совсем недавно увидело свет московское издание учебного пособия по миноритарным литературам циркумполярного ареала России. Алексей Андреевич Арзамазов решительно раздвигает горизонты пространственные (к примеру, карта его путешествий включает Якутию, Крым, Бурятию, Грузию, Азербайджан, Эстонию, Венгрию, Австрию, Францию, Португалию, Бразилию и др.), временные, конфессиональные, культурологические, междисциплинарные, сущностные, смысловые, хроматически-акустические и т. д. Палитра его творчества невероятно многообразна: от широких полотен с помощью своеобразного обобщающего «мастихина» до филигранной нюансировки чувственных переживаний в поэзии.

А пока одно из его самых удачных творений – это почти взрослый, талантливый и успешный сын Артем.

Всемирно известный эстонский писатель Арво Валтон, отечески опекающий молодых финно-угорских родственников, в своем предисловии к поэтической книге молодого поэта отмечает «выдающийся ум и талант» А. Арзамазова, а «его поэтическое слово наиболее близко к самым разным мировым течениям интеллектуальной поэзии». Будучи совсем юным, студент Арзамазов участвовал в творческом конкурсе в Москве и как победитель получил именные часы с напутственной надписью «Ты нужен России».

На своем жизненном бесконечном пути к себе А. Арзамазов часто резко меняет векторы своего развития: он «с детства не любил овал, он с детства угол рисовал».

А еще он – удмурт-явление, которое «смеет сметь», быть собой, чтоб быть интересным и другим.

Владимир Владыкин,
профессор-этнограф,
Член Союза писателей России,
лауреат Премии Правительства РФ
Ижевск – с. Якшур, 2021 г.

СОДЕРЖАНИЕ

МОИ УДМУРТЫ

Везде живут удмурты 4
Древние реки 6
Облака в июне 7
Удмуртское 8
В ночь на Кисьтон 9

ПУТИ

На берегу Байкала... 12
Эскимосское 14
Странный опыт 15
Каждое утро я просыпаюсь в этом 16
Исход 17
Мне снится Эрэц-Исраэль 18
Вечер время пройтись и посмотреть 20
Вечер в Каракасе 21
Колумбийское предупреждение 23
Памяти Пазолини 24
Греческий диптих 25
Южная Африка 27
Вспоминая Якутию 29
Здесь ночные дожди омывают сновидения 30
Уехать в Африку 31
Кабардино-балкарские инфинитивы 32
На Волге 33
Я вспомнил о тебе 34

ТЕБЕ

Квартиры бывших любимых 36
В субботний день 37
В месяц когда уходят грозы 38
Окна 39
Разлука 40
Сильная влюбленность 41
Зачем ты делаешь больно мне? 42
Сполох 43
Женщина в песках 44
Середина лета. Невозможно дышать 45
Что делать? 46
Одиночество / Любовь 47
Призрак твоего прошлого 48
Роскошь боли 50
Почти навсегда 51
Как мне рассказать тебе 52
В разлуке 53
В поезде 54
Мое желание 55
Ты говоришь... 56
Горела свеча семь дней 57
Август в Елабуге 58
Ночь в твоем доме 59
Восточное признание 60
Под вздохи зимы 61
Уже всё сказано и 62
Выпало мне разлуку пережить в сентябре 63

ПРОШЛОЕ ЛЕТО

Парки наших разлук 66
Ошибка любовного согласования 67
Шкатулка разлуки 68
Вибрации усталости 69
Закрывшись ото всех 70
Первая любовь 71
В эти сентябрьские дни мая 72
Бабушка 73
Памяти деда 75
Ночь красной луны 76
Черные дыры любви 78
Заброшенные квартиры 80
Сон о девяностых 82
Уже остывает лето. Черви-облака 84
Вопреки 85

В. Владыкин. Смеющий сметь удмурт 86

Алексей Андреевич Арзамазов

ИДУ

стихи-«подстрочники» с удмуртского

В авторской редакции

Верстка и дизайн *П. Пермякова*

Подписано в печать 12.12.2021. Формат 60х84 1/16.
Усл. печ. л. 5,35. Тираж 120 экз. Заказ № 499.

ООО «Издательство «Шелест»
426060. Ижевск, ул. Энгельса, 164.
+7 (904) 317-76-93 +7 (963) 548-51-43
shelest.izd@yandex.ru malotirazhka@mail.ru